

Альберт Лиханов

Вам письмо

Альберт Анатольевич Лиханов

Вам письмо

Ершов В.Г.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139321

Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1 / Предисл. А. Алексина; Коммент. И. Мотяшова.: Мол. гвардия; М.; 1986

Аннотация

«Естественно и непредвзято написана маленькая повесть „Вам письмо“. Чисто и достоверно повествует автор о почтальонше Тосе, о неласковой ее судьбе. Неожиданно будничные, ежедневные впечатления становятся размышлениями о мире, о жизни, о назначении человека. Это делает повесть динамичной и интересной, вызывает желание прочитать ее еще раз.»

Содержание

1	4
2	7
3	11
4	15
5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Альберт Лиханов

Вам письмо

*Мирами правит жалость,
Любовью внушена
Вселенной небывалость
И жизни новизна.*

Борис Пастернак

1

Тоське одной во всем отделе доставки не нравится этот новый порядок: стоишь, а перед тобой не живые лица, а железные ящики с номерами. Вот вам, номер шестнадцать, «Правда» и «Работница». А писем сегодня нет. Зато номеру семнадцать извещение на посылку из Киева. Наверное, яблоки. Тоська представила себе желтый, будто восковой, ящик, испечатанный сургучными кляксами, от которого плывет сладкий аромат какого-нибудь «налива» или еще получше – «дюшеса», есть такие груши.

Весной, в мае, в посылочном отделении, где на деревянных стеллажах всегда полно ящичков, и ящиков, и кулей, зашитых крупной белой стежкой, – ничем не пахнет. В конце июня тут появляется тонкий, чуть уловимый запах яблок, а

в августе, в сентябре – и так до самого ноября – посылочное отделение, наверное, самое ароматное и приятное место во всем городе. Только об этом мало кто знает, ведь не каждого пустят за дверь, обшитую железом. А Тоську, конечно, пускают. Она тут везде своя. И Тоська начиная с конца июня и до ноября нет-нет да и заскочит в посылочный отдел. Зайдет, когда никого там нет, закроет глаза и представляет себе, как она стоит в яблонево́м саду, а вокруг, будто сладкие лампы, висят огромные яблоки и светят ей розовыми боками.

Тоська никогда не бывала в яблонево́м саду. Здесь, в ее городе, яблони, правда, есть, но яблоки на них вырастают маленькие и зеленые, кислые-прекислые на вкус. Пожевать их, конечно, можно, – так, от нечего делать, но удовольствия в этом мало. Впрочем, пожалуй, не одна Тоська думает так. Не зря же их посылочный отдел всегда полон фруктовых посылок из далеких южных городов с непривычными именами – Анапа, Батуми, Феодосия...

Интересно, где это? К стыду своему, Тоська плохо знает географию. Карта школьного атласа, который она снесла в букинистический магазин вместе с учебниками в тот же день, как взяла документы из школы, уже стусевалась, стерлась в памяти, и Тоська что-то не могла припомнить, где это такой город Феодосия – то ли на Кавказе, то ли в Крыму...

Тоська опустила извещение о посылке в ящик семнадцатой квартиры и еще раз вздохнула, представив себе светящийся яблонево́й сад. Потом она стала доставать по очереди

газеты, конверты, журналы и совать их в пустые рты железных ящиков, похожих на голодных галчат.

Раньше, бывало, позвонишь, и дверь откроет какая-нибудь старушка, протянешь ей письмо, а она всплеснет руками, потом вытрет их о передник – может, стирала, а может, картошку чистила, – возьмет письмо и уйдет в комнату, забыв и дверь закрыть, и спасибо сказать. Но Тоська не обижалась. Тихонько притворяла дверь и шла дальше по этажам. И песенка для такой работы была у нее подходящая:

Шага-аю я по эта-жам,
То тут, то там, то тут, то там...

Дальше слов Тоська не знала, но ей хватало и этих, потому что ведь дело вовсе не в том, чтобы ходить и распевать песни, а в том, что у тебя хорошее настроение, когда ты приносишь человеку письмо, или перевод, или извещение на посылку, и он так хорошо радуется.

За это-то и любила Тоська свою работу: подойдешь к двери, позвонишь, протянешь руку с конвертом, скажешь: «Вам письмо!» – и тебе сразу улыбаются. Очень хорошая, улыбчивая была почтальонская работа, пока домоуправление не приколотило этих черных щербатых галчат на площадке между первым и вторым этажом. Ходи теперь, гляди на них, железных, корми их два раза в день.

2

Только и осталось от веселой Тоськиной работы – заказные письма. Их в ящик не бросишь, их надо вручать лично и требовать, чтобы за них расписались в тощей книжке с зелеными корочками. Но заказные письма писали редко, и из всех пяти восьмидесятиквартирных домов, куда Тоська носила почту, заказные приходили только в один, сорок девятый по улице Жуковского, в пятьдесят первую квартиру Алексеевой Т. Л.

Раза два в неделю, иногда чаще, Тоська получала от Нины Ивановны, начальника отдела доставки, синий конверт – из рук в руки, вписывала в книжку номер, который стоял на жирном, густом штемпеле с большой буквой З, и, когда доходила очередь до сорок девятого дома, она наконец-то не кидала письмо в ящик, а поднималась на третий этаж и, прижав палец к синей кнопке звонка у двери, обитой блестящей кожей, долго не отпускала его. Тут, в пятьдесят первой квартире, жила Алексеева Т. Л.

В глубине коридора слышались легкие шаги, щелкал замок, и в дверях появлялась стройная, смуглая женщина. Тоська улыбалась ей, говорила: «Вам письмо!» – и женщина тоже улыбалась в ответ, открывала дверь шире, и Тоська проходила в комнату босая, сняв в прихожей свои всегда пыльные туфли со сбитыми каблуками.

Дни, когда Тоська вступала в квартиру, были для нее днями сладкой зависти. Впрочем, это не то слово. Правда, она завидовала Алексеевой Т. Л., но завидовала как-то независтливо, скорее это была тихая грусть, нежели зависть.

Да, здесь были красивая мебель и прохладная чистота, лежал на полу, распластавшись, мохнатый медведь, и, проходя по нему, Тоська чувствовала босыми ногами мягкую теплоту шкуры. Наверное, здорово растянуться на таком медведе! Всего этого у Тоськи не было дома, но не вещам завидовала она.

Она доставала тощую зеленую книжицу, шуршала страницами, а сама не отрываясь, жадно смотрела на женщину.

Женщина не обращала внимания на Тоську. Она стояла рядом и, прикрыв мохнатыми ресницами глаза, смотрела вниз, на стол, на Тоськины руки, листавшие страницы. Она ждала письма, и ей было не до Тоськи.

Тоська машинально, кося глазом, находила нужную страницу, протягивала книжку женщине – расписаться, а сама все смотрела и смотрела на нее, и сладкая грусть сжимала горло.

Женщина была красива удивительной, редкой красотой. Тоську поражали ее густо-зеленые глаза, ее длинные и слабые руки, ее губы, будто не живые, а нарисованные темно-красной акварелью. Смуглое лицо ее, еле тронутое румянцем, было спокойно и не потому, что женщина не волновалась, это было другое, какое-то глубокое, внутреннее спо-

койствие, и это спокойствие было частью ее красоты.

Красивых женщин много, и, может быть, эта не была первой среди них, но она была единственная, на кого Тоська могла смотреть вот так близко, обмолвиться с ней двумя-тремя словами – «вот здесь распишитесь... пожалуйста... спасибо... до свидания» – и, слушая ее ответы, сказанные удивительно спокойным голосом, снова и снова поражаться ее красоте...

В такие дни Тоська разносила почту позже всех. Она приходила в отдел доставки с пустой сумкой, когда почтальоны, собравшись у стола Нины Ивановны и вытащив кто что, – помидоры, желтобокие огурцы, длинные перья лука с пожухлыми концами, макая все это в мягкую – порошком – соль, обедали. Тоське подвигали табуретку, она садилась к столу, разворачивала сверток со своими огурцами и помидорами и начинала вяло жевать, глядя за окно.

Ей виделось огромное зеркальное стекло гастронома, перед которым она стояла только что, и в стекле – толстоногая девчонка с непомерно большой грудью, которая уродовала особенно. На плоском лице сидели маленькие глаза, и выгоревшие брови, и веснушчатый нос. Все было плохо и некрасиво в этой коротышке, разве что волосы... Но волосы, уложенные на голове косами в два калача, ничуть не помогали девчонке. Наоборот, от них она казалась еще и большеголовой...

Тоська жевала безвкусный, перезревший огурец, вспоми-

нала красивую Алексееву Т. Л., свое отражение в гастрономической витрине и то, как мать оказала раз потихоньку про нее соседке: «Обрубьш».

И хотя оказала она это жалеючи, Тоськино сердце наполнилось горечью, а глаза — невыплаканными слезами.

Вообще-то Тоська была молодец. Мать всегда хвалилась ею перед соседками: Тоська, мол, не пропадет, она у меня человек самостоятельный. Это была правда. Тоська умела делать по хозяйству все, что надо. Ну, уж про обеды и говорить нечего, это она освоила в совершенстве – от простых щей до хрупчатого, маслянистого хвороста и слоеного – пальчики оближешь! – пирога. Еще Тоська умела вязать кофточки из шерсти, шить себе платья и даже плести кружева. Еще умела она выращивать цветы, очень любила их, и на грядке перед деревянным домом, где в одной половине жили они с матерью, а в другой – Федоровы, рос у нее замечательный черный гладиолус по имени «Поль Робсон». Гладиолусов на этой грядке было много – розовых, красных, белых, а черный был всего один, и Тоська очень гордилась им и ждала, когда он расцветет.

Яшка Федоров, сосед, все покушался на него, хотел отнести какой-то там своей крале, когда он расцветет, но крали у Яшки менялись чуть не каждый день, а «Поль Робсон» был один, и Тоська очень берегла его.

Словом, Тоська умела многое, и мать часто, разговаривая с Федорихой, говорила: «Вот кому-то хозяйка достанется!» – видно, чтобы успокоить и утешить Тоську. Но что тут утешать, если в свои уже двадцать лет Тоська даже рядом не

прошлась ни с одним парнем и – какое там! – ни с кем ни разу не поцеловалась. Даже знакомых ребят, кроме Яшки, у нее не было. Но Яшка – что, сосед, только и знает зубы скалить. И как такого девчонки любят! А других парней Тоська не знала. Те, с которыми училась до восьмого класса, теперь выросли, стали совсем взрослыми, и, встретив Тоську на улице, не узнавали ее. Конечно, будь Тоська красивее – узнали бы.

Так что все ее хозяйские дарования были Тоське просто ни к чему. Да и мать теперь получала пенсию, сидела дома и все обеды, все Тоськины платья и кофточки – все делала сама, а Тоська только все умела, но ничего не делала. Разве что к цветам мать не прикасалась.

Каждый вечер Тоська поливала свои гладиолусы, а потом присаживалась на завалинке полюбоваться на красивые, словно из воска вылепленные цветы. Солнце садилось за улицу и своими боковыми лучами насквозь просвечивало разноцветные колокольцы.

Иногда посидеть на завалинку выходил и Яшка. Это бывало редко, когда у него не собирались ребята со стройки, где он работал на кране, или когда не было назначено свидание.

Яшка любил поболтать, а мать и отец Федоровы ну просто не выносили, когда он болтал, и сами были молчуны. А вообще-то все они страшно походили друг на друга. И мать, и отец, и Яшка – все черные как грачи. Волосы черные, глаза черные, брови и ресницы будто углем подведены.

Вечерами, когда Яшка, надев черный парадный костюм и черные ботинки, клянчит у Тоськи «Поля Робсона», она кричит ему: «Кыш, грач, кыш!»

А вообще-то Яшка на серьезного ухажера ничуть не походит. Волосы как проволока, челкой на один глаз вечно падают. Сам какой-то вихлявый и хвостун.

Как выйдет на завалинку, так давай Тоське хвастать про свои вечерние победы.

– Вчера на танцах такую девулю оторвал! И-и-эх, закачаешься! Нацеловали-ись!

Яшка, конечно, врет, просто треплется. Не может быть, чтоб вот так, сразу, девчонки с ним целоваться шли.

Яшка закатывает глаза и дурашливо качает головой.

– Фу, дуралей! – говорит Тоська. – Так я тебе и поверила.

Но однажды вечером Тоська отправилась за печеньем к чаю, а когда вышла из магазина – ахнула. По тротуару шел, как грач, Яшка, волосы у него блестели, а белая рубашка будто светилась изнутри. За руку он держал девчонку. Беленькую, в красивых туфлях на тонких каблучках, высокую, чуть пониже Яшки.

Тоська вылупила глаза на эту парочку, а Яшка будто и не заметил ее, он что-то говорил девчонке, и та смеялась, глядя на него влюбленными глазами.

Яшка прошел мимо Тоськи, легонечко толкнул ее локтем, потом обернулся и подмигнул.

Тоська шла домой и зло думала: «Дуры, дуры вы все, дев-

ки! Вон вас как обманывают, а вы...»

На другой день вечером Яшка вышел на завалинку, и Тоська спросила, с кем это он вчера был.

– Не знаю, – сказал Яшка, – Люся какая-то. На танцах по-знакомились.

– Целовались? – с замирающим сердцем спросила Тоська.

– Конечно, – ответил Яшка. – А еще чего ж?

По утрам, рано-рано, когда люди еще и на работу не торопятся, в отделе доставки дела уже кипят. Нина Ивановна, поблескивая очками, раздает газеты, журналы, корреспонденцию. Почтальоны сидят на своих стульях и по разносным книгам раскладывают почту, на уголках газет пишут карандашом номер дома и квартиры.

Тоська тоже смотрит в разносную книгу, но только так, для порядка, память у нее отличная, и она точно знает, какая квартира в каком доме что получает.

Руки у Тоськи работают быстро, прямо летают, пожалуй, раньше всех она почту разложит, разве вот Нюре уступит. Нюра – самый опытный почтальон, ей лет тридцать пять, а работает она с восемнадцати и все здесь, в этом отделении.

Нюра любит вспоминать, как раньше она сапог не снимала, по две пары снашивала, потому что, когда она пришла сюда, грязь тут была непролазная и даже в самую жару не просыхала. И везде стояли деревянные домишки, вроде Тоськиного, а сейчас вон какие домищи, и даже поздней осенью можно носить почту в туфлях на высоких каблучках.

Правда, насчет туфель на каблучках это Нюра к слову говорит, просто так, потому что на каблучках почтальоны не ходят – неудобно нести тяжелую сумку. Только вот Тоська носит каблучки, да и то маленькие, чтобы хоть чуть казаться

повыше, а все остальные – летом ходят в тапочках, осенью в простых туфлях на микропорке.

Тоська любит эти ранние утренние часы, когда все почтальоны вместе. Разбирают газеты быстро, но и поговорить успевают. Вроде живут они большой, общей семьей.

Нину Ивановну все жалеют, потому что у нее, такой хорошей женщины, муж пьет. Он работает слесарем в домоуправлении, и как у кого что случается – кран испортится или замок, – все стараются позвать его, потому что он хороший мастер, а потом подносят ему или деньги суют. Вот он и ходит пьяный. Нина Ивановна говорит, что раньше выпивал, так незаметно было, крепкий был, а сейчас сто граммов выпьет, и его развезет до последнего.

– Организм надорвал, – авторитетно говорит Нюра. Она хоть и моложе Нины Ивановны, но, по общему признанию, опытней ее и больше жизнь знает.

Она вообще вся очень твердая, Нюра. И говорит коротко, отрывисто, будто рубит, и ходит как-то твердо, большими шагами, а улыбается редко, поэтому лицо ее – угловатое и скуластое – кажется тоже твердым, словно высеченным из камня. И смотрит на всех Нюра твердо и жестко.

Жизнь у Нюры тоже не больно-то веселая. Есть у нее муж, Василий, он часто по вечерам ждет ее, дежурит у дверей. Но Нюра проходит мимо него своей солдатской, размашистой походкой, и он плетется следом до угла, потом останавливается, долго-долго смотрит ей в спину. А она идет ровно, как

заведенная, ни тише, ни быстрее, и ни разу не обернется.

Нюра прогнала его из дому. Узнала, что он ходит к другой, и без крику, без скандала собрала ему чемодан. Теперь она жила одна, водила по утрам своего Лешку в садик и с Василием разговаривать не желала, а когда он совал ей деньги на Лешкино воспитание – не принимала, хотя получала немного и жила очень трудно.

Однажды Василий откуда-то из центрального отделения послал ей по почте перевод. Нина Ивановна отдала Нюре извещение. Дело было как раз утром, во время разборки почты, и все притихли, ожидая, что сделает Нюра: ведь в конце концов получить перевод по почте не то, что принять из рук в руки, и все были бы рады, если бы Нюра его получила.

Но Нюра повертела извещение, узнала почерк Василия, взяла ручку, обмакнула ее в чернила и протянула Тосе.

– Ну-ка напиши на обороте... «Адресат получить перевод отказался».

Такая она была твердая, Нюра, и, может быть, потому, что ее очень крепко, на всю жизнь обидел Васисилий, о мужчинах говорила резко и нехорошо.

Нина Ивановна мягче Нюры, она ей всегда возражает, говорит, что ведь вот ее муж хороший человек, добрый и ласковый, и, даже когда пьян, не позволит себе ее задеть, обидеть, слово плохое сказать, и всем был бы хорош, да водка его губит.

– Нет, Нюра, не говори, – улыбается Нина Ивановна, –

нельзя всех мужчин под одну гребенку...

– Нельзя, – кивает Тоська и рассказывает про Алексееву Т. Л., которой муж все шлет и шлет письма, да не какие-нибудь, а заказные, а значит, не забывает и любит.

Нюра искоса поглядывает на Тоську и говорит:

– Ну, пишет, это еще не значит, что любит...

Тоська вспоминает Яшку-грача, вспоминает, его рассказы о том, как он целуется направо и налево, и думает, что Нюра тоже права: вот Яшка ведь целуется и не любит, так что письма писать и подавно не значит любить.

...В восемь Тоська с Нюрой первыми выходят на улицу. Навстречу им торопятся люди, идут на работу. А Тоська уже на работе. Она несет тяжелую сумку, полную разных новостей, – и что произошло в Аккре, и в Париже, и в Сан-Франциско, и в семье каких-нибудь Ивановых или Петровых, про все есть у нее в сумке.

Тоська стучит по асфальту стоптанными каблучками, и солнце слепит ее, а оттого разные сложные думы рассеиваются, как сумеречная темнота. Тоська краем глаза видит, как вдруг вздрагивает каменное лицо Нюры, она тоже жмурится на солнце, улыбается ему.

– Эх, – говорит Нюра тихо, – думаешь, не охота мне Василию простить? Что я, каменная... Ишь каждый день ходит...

Тоська удивленно смотрит на Нюру, а та смеется про себя чему-то. Нет, ничего не понимает Тоська в этих делах.

Ночью Тоське приснился вещий сон.

Будто шла она по длинной мраморной лестнице, какие показывают в фильмах про старину, с белыми колоннами по бокам.

Тоська шла по ступенькам вверх и испуганно озиралась по сторонам; как бы ее не заругали, что шляется по этакой чистоте в стоптанных туфлях.

Тоська все шла и шла, шла и шла, и сердце страшно колотилось в ожидании чего-то главного, чем кончится эта лестница.

Наконец, когда сердце устало громко стучать от волнения, лестница кончилась, и Тоська увидела перед собой стройную женщину, на которой было почему-то ее, Тоськино, нарядное платье с васильками по белому. Женщина была смуглая и красивая, Тоська подумала, что это Алексеева Т. Л., но пригляделась и ахнула. Нет, это она, сама Тоська, совсем непохожая на себя, вот и волосы ее, а так все чужое, той, Алексеевой Т. Л. Тоська не поверила себе, шагнула вперед и стукнулась обо что-то холодное. Зеркало! Значит, это была правда она?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.